

Археологические памятники Кондинского княжества

Самая полная историческая справка о Пелымском княжестве была составлена в 1935 г. С.В. Бахрушиным¹. Благодаря его исследованию, можно узнать о некоторых особенностях социально-политического устройства этого раннегосударственного образования, именах его вождей, верованиях и отдельных фактах взаимоотношений таежных угров с сибирскими татарами, народами Приуралья и Московским государством. В его состав в качестве самостоятельных частей входили Кондинское княжество и Табары.

Кондинское княжество было самой крупной составной частью Пелыма. Оно превосходило другие пелымские уделы не только по размерам (а бассейн Конды занимает площадь почти в 70 000 кв. км), но и по численности проживавшего населения. В ясачной книге 1628–1629 гг. в волостях Большая и Малая Конда насчитывалось 257 человек, в 1632 г. — 235 человек, а в 1652–1653 гг. — 243 человека. По подсчетам С.В. Бахрушина, с начала XVII в. здесь собиралось почти половина ясака (48%), поступавшего с Пелымского уезда². Исходя из этих данных, и того факта, что между пелымскими и кондинскими князьями заключались династические браки, исследователи считают возможным использование такого определения как Пелымско-Кондинское княжество.

Табары, третья составная часть Пелыма, существенно отличались от остальных территорий в экономическом отношении. Еще до прихода русских здесь существовало хлебопашество, а выделившаяся туземная знать, тесно связанная с сибирскими татарами, именовала себя «мурзами» и «сотниками», из числа которых выбирались князья.

Письменных сведений о Кондинском княжестве немного, в отличие, например, от княжества Кода. Последнее было инкорпорировано Московским государством в его административную систему, и по этой причине до 1643 г. оно сохраняло относительную самостоятельность. Об особенностях социально-политического устройства Коды можно узнать из документов того времени: указов, челобитных, доносов и т.д.

Ограниченность письменных источников по истории Кондинского княжества обусловила повышенный интерес исследователей к материалам археологических памятников. Речь идет о городищах и могильниках, содержащих культурные слои первой половины II тысячелетия.

Сведения о некоторых средневековых крепостях в бассейне Конды и их расположении можно почерпнуть из фольклора южных хантов, работ Г.Ф. Миллера, С.У. Ремезова. Кондинские городища упоминаются в «Былине про богатырей города Эмдера», сложенной южными хантами. В ней говорится о городках Кари-поспат урдат вош и Харда вош, посещаемых эмдерскими богатырями во время похода на Конду³. Судя по описанию, первый расположен в низовьях реки на Большекондинском сору, а

второй — в среднем ее течении. Как отмечалось ранее, городок Харда вош может быть с большой степенью вероятности соотнесен с самой поздней резиденцией кондинских князей — городком Картауж⁴. Столица сохраняла политическую значимость даже в XVII в., когда произошло присоединение Сибири к Русскому государству.

В течение 2002–2004 гг. сотрудниками Угорского центра Уральского государственного университета велись целенаправленные поиски столицы Кондинского княжества. Она помещена С.У. Ремезова на р. Картауже со следующим комментарием: *«городище осыпно, место вогульско пусто»*⁵. Сопоставив имевшиеся источники, С.Ю. Каменский и Е.А. Жирных убедительно доказали, что речку Картауж и расположенный на ней городок с эпонимным названием (а правильное говорить Картауш, поскольку согласный звук «ж» в языке манси отсутствует) следует искать в районе Сатыгинского тумана. Разведочные работы трех сезонов увенчались успехом, исследователям удалось обнаружить городище Ушенья I⁶. Такие особенности как топография объекта, выразительные остатки оборонительных сооружений, характер растительности, культурного слоя и находки позволяют идентифицировать данный памятник с остатками Картауша.

На памятнике заложен небольшой разведочный раскоп.

Другой интересный объект, связанный с историей Кондинского княжества, расположен на р. Большая Учинья, правом притоке Конды. Это городище известно под названием Высокая гора. Его выразительность неоднократно привлекала внимание исследователей, но первый инструментальный план памятника был снят в 1996 г. сотрудником Института истории и археологии УрО РАН А.П. Зыковым. Высокая гора — самое миниатюрное и потому фотогеничное из известных позднесредневековых городищ⁷. По своему облику оно до деталей напоминает позднесредневековые памятники, обследованные нами в окрестностях Ломбовожа, Большого и Малого Атлыма. Гумусированный культурный слой с большим количеством древесных остатков, бересты и находки, обнаруженные местными жителями на его территории (украшения, оружие и т.п.), свидетельствуют о его позднесредневековом возрасте. В 1990-х гг. активная позиция жителей поселка Половинка, почитающих памятник археологии в качестве культового места, и присутствие археологов позволили сохранить городище, поскольку строители планировали провести через него автомобильную дорогу. Раскопки на объекте не проводились.

С 1986 г. стало известно о средневековом могильнике на Эсском острове, расположенном в заболоченной пойме р. Эсс, правом притоке Конды. Информация о нем поступила от одного из жителей пос. Комсомольского (ныне г. Югорск). Однако лишь на рубеже XX–XXI вв. сотрудникам ИИА УрО РАН удалось провести раскопки этого уникального объекта и выяснить его характер. Установлено, что на острове находился могильник XV–XVI вв., где хоронились представители одного из знатных вогульских кланов⁸. В двух раскопах площадью 98 кв. м прослежены остатки шести необычных погребений. Они представляли собой

98

наземные срубы, в которых компактными скоплениями лежали кремированные останки умерших. Погребальный инвентарь с могильника сопоставим по своей представительности и богатству с находками из «княжеских» погребений, изученных на территории Сургутского Приобья. На неординарный характер некрополя и погребенных здесь людей указывает русский серебряный перстень — печатка. На щитке изображена сцена заключения мира между представителями русских властей и югорских князей: хождение вокруг дерева с саблями и возлияния из дорогой посуды. Уникальные материалы Эсского могильника заслуживают отдельного монографического исследования.

В 2004–2006 гг. сотрудниками ИИиА УрО РАН велись исследования средневековой вогульской крепости на р. Большая Умытъя, левом притоке Конды. Местное население называет ее Шаман-горой, а в археологической литературе она известна как городище Большая Умытъя 36⁹. К сожалению, мы не располагаем данными, в которых было бы отражено историческое название этого забытого городка Кондинского княжества.

За истекший период на городище изучено 208 кв.м культурного слоя и установлено, что к периоду средневековья относятся пять поздних строительных горизонтов (пятый и девятый). По практически полному отсутствию в этих слоях лепной посуды они могут быть датированы концом XII–XVI вв. Эти отложения относятся к так называемому «бескерамическому» периоду, получившему название сайгатинский (для памятников среднего течения Оби) и эмдерский (для памятников приуральской части севера Западной Сибири).

В ходе раскопок установлено, что городище возникло на площадке, отсыпанной еще в раннем железном веке. Оно непрерывно существовало на протяжении XII–XVI вв., то есть, было долговременным поселением. Планировка крепости на протяжении всего периода существования менялась незначительно. Это прослежено в расположении котлованов жилищ, которые очень часто возводились во впадинах более ранних построек. На памятнике установлена смена открытых очагов, существовавших в XII–XIV вв., очажными конструкциями в виде чувалов (XV–XVI вв.). Из вещевого материала выделяются два топора новгородского типа. Они происходят из слоев XII–XIV вв. и подкрепляют летописные сведения о связях сибирских аборигенов с новгородцами.

По мере изучения обширного Кондинского бассейна будут обнаружены и городок Кари-поспат урдат вош и другие археологические памятники первой половины II тысячелетия, имеющие отношение Кондинскому княжеству. Примером тому являются материалы могильников Большая Умытъя 28, Ушья, Арантур 27 и другие. Эта источниковая база включает в себе действительно уникальную информацию, которая позволит восполнить недостающие страницы истории этого раннегосударственного образования.

¹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.

² Там же. С. 78.

³ Патканов С.К. Стародавняя жизнь Остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. III. 1891. С. 67–108.

⁴ Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 34.

⁵ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 78.

⁶ Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Изучение позднесредневековых городков Западной Сибири: история одного исследования // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие. Материалы международного симпозиума. Екатеринбург, 2006. С. 234–235.

⁷ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999. С. 149.

⁸ Зыков А., Кокшаров С. Эссский остров // Родина. 2002. Спецвыпуск. С. 36–39.

⁹ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Предварительные итоги изучения городища Большая Умытья 36 (Шаман-гора) // В печати.

ЛЕБЕДЕВ В.Э. (Екатеринбург)

Этнические конфликты до и после распада СССР

Межгрупповые отношения состоят из неразрывной связи конфликтов и сотрудничества, но главные проблемы для любого общества вносятся многочисленными конфликтами. Одними из наиболее значимых являются конфликты между этническими общностями. Они вспыхивают на всех континентах: в странах как развитых, так и развивающихся, в областях распространения любых религиозных учений, в районах с разным уровнем достатка и образования. Более 70 % войн в мировой истории носили этнополитический характер¹. В XX веке мир потрясли три волны этнических конфликтов, закончившиеся образованием десятков новых, большей частью национальных государств. «Первая волна» возникла после окончания Первой Мировой войны, распада двух империй – Австро-Венгерской и Османской, на территории которых возникли новые государства. «Вторая волна» была инициирована Второй Мировой войной и крахом колониальных держав. «Третья волна» образовалась после распада СССР.

Наука, изучающая этнонациональные конфликты, их сущность, причины возникновения, пути предотвращения и разрешения, называется этноконфликтологией. Этот раздел гуманитарного знания вплоть до конца 1980-х гг. практически оставался за пределами интересов отечественных ученых – гуманитариев. Первая потребность в научном осмыслении этнонациональных конфликтов возникла во второй половине 1980-х гг., когда